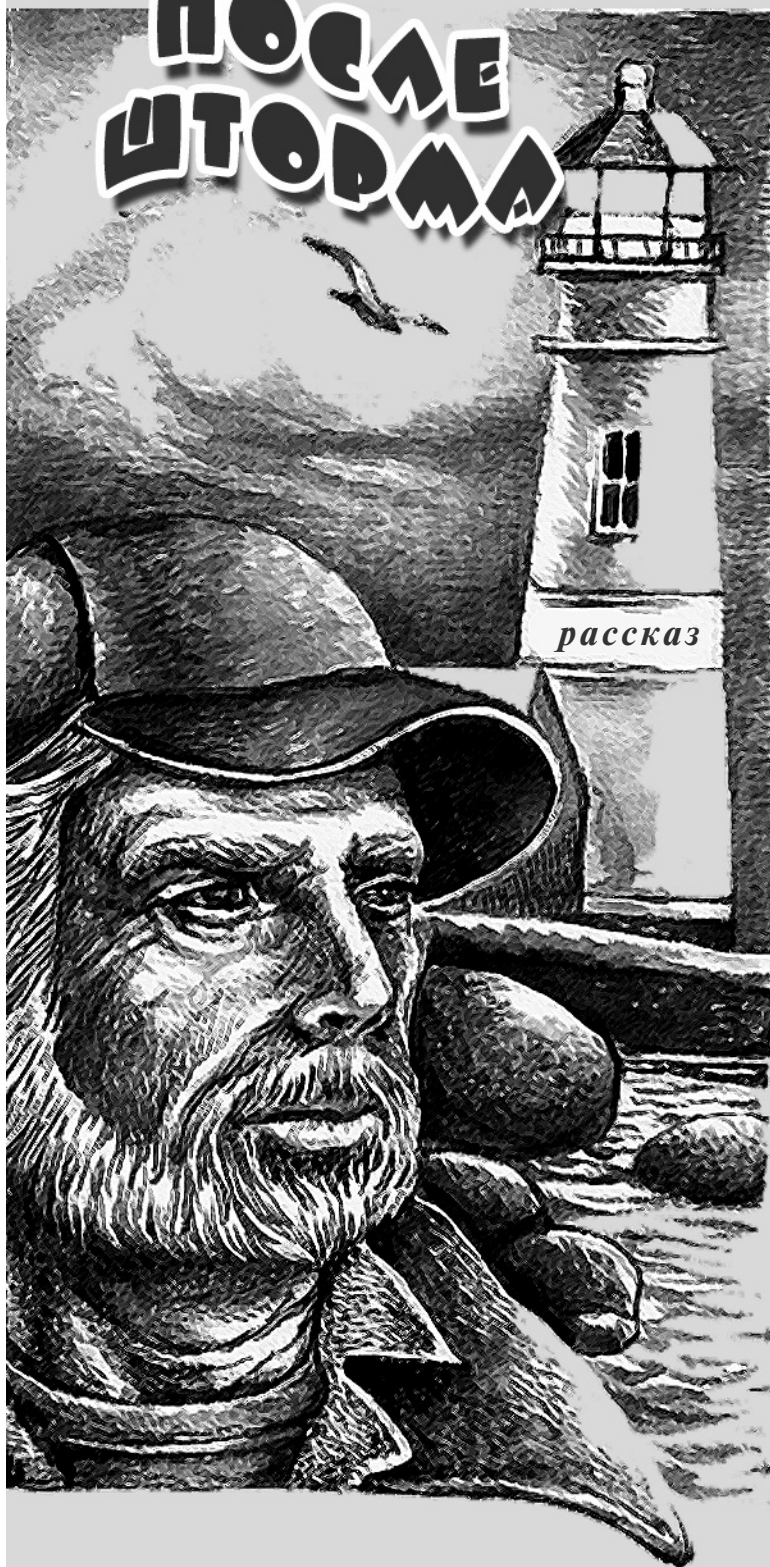

ПОСЛЕ ШТОРМА

**Константин
ГНЕТНЕВ**

г. Петрозаводск

Под утро над островом поднялся шторм. Алексей проснулся от резких всполохов света над лесом, грохота и свиста за окном. Отодвинул занавеску. Маячный огонь горел как прежде. В его свете флаг на флагштоке рвало в лоскуты. Он забыл снять флаг с вечера и теперь с тоской подумал, что его придётся латать: нового у него не было. Ветер с запада гнул деревья параллельно земле. Алексей накиннул дождевик и вышел во двор. Лицо вмиг залепило влагой, а плащ пришлось держать двумя руками — он бился за спиной, как крылья большой раненой птицы. В хозяйстве сохранился порядок. Только брезентовое полотно, которым он закрыл бочку с водой, унесло в лес вместе с чурбаком, который он приспособил вместо груза.

Первый летний шторм выл в проводах, грохотал на море, выбрасывая далеко за полосу обсушки брёвна плавника. Отсветы грозových всполохов рваными полосами метались по морю и исчезали за горизонтом. «С чего бы это наваждение», — думал он. Низкая полоска тучи на горизонте с запада — это всё, что он видел вчерашним вечером. Откуда этот шторм только взялся.

Начался сильный дождь. Капли секли лицо, грохотали по жёсткому плащу так, что болели плечи. «Да уж, этот вчерашний вечер...» Алексей ухмыльнулся, настроение сразу испортилось. Он вернулся в дом. С плаща текли ручьи. Он распластал его на вешалке и подложил на пол тряпку. Часы показывали пять утра. «Теперь зарядит до завтрашнего вечера», — подумал он о шторме. Сон напрочь выдуло во дворе. Он согрел чайник, сел к окну с кружкой и долго смотрел, как беснуется над островом ветер, как на востоке полыхают над лесом зарницы и трепещет в свете маячной лампы бедный флаг.

Вчера случилась катастрофа. На материк уехала Татьяна. «Я тебе не жена, — как отрезала, сказала она, когда он, поражённый

её неожиданным решением, стоял перед ней, коренастый, сильный и беспомощный, как ребёнок. — И нечего сцены тут устраивать». Вырвала у него из рук набитый женской рюхлядью рюкзак и пошла со всеми на берег, высокая и дерзкая, окинув его на прощание сверху вниз презрительным взглядом. Пошла спойно, он видел — даже болтала по пути.

Вчера на остров нагрянуло начальство. Начальство обмахнуло платочком стул, село к столу, чинно выпило чаю и заявило, что теперь он остаётся на маяке один. Должности старшего техника и просто техника сокращаются по причине финансово-экономических трудностей. Трудности переживает вся страна, заявило начальство с нажимом в голосе, и он должен это хорошо понимать. «Мы уверены, что вы справитесь в одиночку. Опыт есть, и маяк будет работать в заданном режиме». После этого начальство крепко пожало Алексею руку и велело Татьяне и тому, другому, который теперь, судя по всему, заменит Татьяне его, Алексея, спускаться на берег, к судну.

Пять лет он думал, что она ему жена. И теперь вдруг узнал, что не жена. Что тут скажешь — замечательный получился вечер. И главное — почему такое прощание? Что он сделал не так? Ему хотелось плакать, но он сдерживал себя, сжимал и сжимал зубы, пока не стало больно. Потом всё-таки не выдержал и заплакал. Плакал тяжело, горько, навзрыд, как никогда не плакал в своей больше чем тридцатилетней жизни.

Уснул под утро, в слезах, разбитый и опустошённый. Проснулся от тишины. День сиял, умытый и распахнутый небу. Было тихо так, что звенело в ушах. Маяк вспыхивал, разбрасывая лучи света в море и напрасно разряжая батареи. Алексей погасил маяк, принёс из леса брезент и присел на лавочку у крыльца. Тихая благодать повисла над островом. Вчерашняя гроза очистила дом маячника и всё, что тяготило его вчера. Да и сама маячная башня сияла, будто поставленная на днях, а не полтора века назад.

Душа томилась пустотой и горечью. Он понял: ничего сегодня делать не хочет и не станет. Алексей взял полуторалитровую бутылку из-под колы, наполнил до половины спиртом из канистры на складе. Дома разбавил водой, открыл банку тушёнки и достал хлеб.

...Что было с ним потом, он не помнил, просяпаясь лишь на несколько минут то за столом дома, то на лавочке у крыльца, то на берегу, то почему-то в лодке, крепко держа в руках вёсла...

А теперь Алексей проснулся среди ночи на кровати, где спала она, от такой же звенящей тишины. Только теперь к тишине примешивалась тревога. Сколько времени прошло с грозовой ночи, он не знал. Голова разламывалась, сердце гулко тукало в груди, а тело болело так, будто по нему проехал трактор. На табуретке возле кровати лежали порожняя бутылка и изуродованная буханка хлеба, от которой он не отрезал, а просто отрывал целые куски. В комнате противно пахло спиртом. От этого запаха и от вида разорённой комнаты тошнило и хотелось убежать.

Алексей поставил чайник и на деревянных ногах подошёл к окну. Башня маяка чернела среди леса мрачная и слепая. Как он и ожидал, утром недовольным голосом заговорила рация. «С кораблей сообщают, две ночи маяк не горит. В чём дело? Что случилось? Почему не докладываете?» Алексей откашлялся и, стараясь выдержать тон, служебным голосом доложил, что остров оказался в эпицентре сильного шторма. Произошли кое-какие нарушения в оборудовании, но теперь всё исправлено и маяк работает в штатном режиме. «Значит, я куролесил три дня, — подумал Алексей. — Пора заканчивать. — Он грустно осмотрел комнату. Привычное его теперь не радовало. — Всё равно ничего уже не поправить — ни спиртом и ничем».

Алексей попытался вспомнить, когда это отчуждение с Татьяной началось. Когда возникла трещина, которую он не заметил. И почему, собственно, не заметил? Ведь начиналось хорошо. Положа руку на сердце, он должен признать, что в своё время Татьяна его спасла...

...После службы на флоте Алексей обнаружил, что он со своим техникумом связи в родном городке никому не нужен. Перед его возвращением нестарые ещё родители один за другим ушли от новоявленной и странной болезни. Болезнь сваливалась неизвестно откуда и за неделю выжигала лёгкие напрочь. Врачи только разводили руками. Алексей ходил по кабинетам, ему говорили о возрасте, о хронических сопутствующих болезнях, но больше боялись сами, закрываясь масками, закутываясь в ска-

фандры из непроницаемой ткани. Алексею остался небольшой домик на берегу, где каждый шкаф, каждая стена, увешанная старыми фотографиями, офицерский кортик отца на золотом парадном подвесе напоминали о детстве, о былом и невозвратном. Ему было и хорошо и больно здесь, и он искал любой повод, чтобы уйти, занять себя чем-нибудь вне дома.

Но серьёзной работы для Алексея не нашлось. Началась странная жизнь: поставил и настроил телевизионную антенну соседу, получил деньги, а на улице уже поджидают приятели. Потом новое приглашение и новая антенна. Потом ещё, ещё и ещё... Однажды пригласила и Татьяна. Он настроил телевизионную тарелку и ей, но оказалось, нужно заменить электрощиток в доме, потом срочно восстановить покосившийся дровяник, потом ещё и ещё... Одним словом, она его из своих рук не выпустила. Мужа она прогнала за год до возвращения Алексея из армии, и теперь никто не мешал ей решать, кого пускать в свою постель. Только вот замуж не спешила и разговоры об этом, которые заводил Алексей, ласково обрывала. Даже когда к Алексею пришли с приглашением принять маяк на острове, мол, бывший моряк, связист и прочее, и Татьяна неожиданно согласилась поехать с ним, подавать заявление на регистрацию отказалась. «Да какая на острове разница, законные мы или нет. Кто у нас эту бумагу там спросит?» И весело рассмеялась, в очередной раз превратив предложение в шутку.

А он благодарен ей, что не дала упасть в пьяную пропасть. В эту пропасть на его глазах упали многие из его ровесников. И что согласилась разделить с ним островную жизнь, благодарен тоже. Пусть пять лет, но согласилась. А когда подпустила к себе молодого техника, что появился на острове год назад, Алексей не знал. И до сих пор сомневался, подпустила ли.

Он принёс ведро с водой, нашёл швабру — приборка! Новая жизнь, новый порядок... Как во время службы на Кольском перед выходными на его сторожевике скатывали водой палубу, так и в доме он забирался в дальние углы, тёр и чистил, сдвигая столы и стулья, пытаясь передвинуть шкафы, что с незапамятных лет стоят тут, словно памятники.

Один такой памятник стоял в углу, и сдвинуть

его не было никакой возможности. Он забит бумагами доверху. Как-то давно Алексей наугад вытащил одну из папок. «Вахтенный журнал. 1942 год...» — прочитал на обложке и засунул обратно: не интересно ему, что тут было в войну. Новая интересная жизнь кипит в мире. А теперь вспомнил и решил, что непременно разберёт этот шкаф. Мало ли чего интересного можно будет отыскать. Да и времени у него теперь много. И компьютер ему понадобится. Никто к нему не подходил, к этому старому компьютеру. Одна Татьяна сидела за ним вечерами, а они смеялись, глядя, как интернет выписывает на мониторе круги и периодически извещает об отсутствии связи. Но Татьяна терпеливо выжидала и рассказывала потом, что творится на материке и в их приморском городке.

Нужно научиться жить по-новому, думал Алексей. Нельзя прозябать тут, погрязнув в хозяйственных хлопотах, летом ожидая осени, а осенью зимы. Но как жить по-другому, как не прозябать и что делать, он не знал пока...

Лето уже прокатилось по острову и уплыло на материк. Теперь оно катится всё дальше и дальше к югу. Тополиные листья за окном взолились по краям первой желтизной. Сколько недель им остаётся висеть, две недели, три, потом они пожелтеют совсем и станут тяжело падать на землю даже при лёгком ветерке. Так бывает каждый год. Дольше всего держатся берёзы. Их лёгкий невесомый лист до самых холодов трепещет на ветру, словно красно-оранжевое знамя. Однажды выйдешь из дома утром, снежок лежит, а вокруг берёз яркие оранжевые круги опавших листьев...

Так бывает до октября. В октябре стылый и резкий ветер с Арктики сметает на пути всё. Этот ветер зол и беспощаден. Ему лучше не попадаться ни на море, ни на суше. К нему нужно тщательно готовиться: запастись дров, утеплить дом, закрепить, а лучше спрятать под крышу всё, что может пригодиться зимой.

Много дел в конце лета на острове. Особенно когда остался один. Но все эти хлопоты привычны для Алексея. Ничем его не напугаешь и не удивишь. Просто работа.

Как-то поздно вечером он открыл шкаф и вытащил знакомую папку. Тот самый вахтенный журнал военной поры. Сел за стол, открыл пер-

вую страницу... и просидел до глубокой ночи. Много лет назад над страной грохотала страшная война, а на маяке жили люди. Жили, работали, рисковали собой и своими семьями. Это был настоящий риск. Маяк могли разбомбить вражеские самолёты, что сновали над островом. Мог расстрелять из орудий вражеский корабль, появившись он здесь. А чем могли ответить маячники, охотничьими дробовиками? Алексей неторопливо листал страницы вахтенного журнала:

«9.3.42. 10 час. Дежурство принял служащий Ряскин. Тихо. Погода ясная, видимость очень хорошая. Ушёл на лыжах на соседний остров смотритель маяка Ф. Агафонов на охоту по хозяйственным надобностям.

10 час. 30 мин. с NW на NO на большой возвышенности пролетел немецкий самолёт, сбросил бомбу на другой остров и сразу же вернулся обратно.

12 час. 40 мин. с N на NO пролетели два самолёта на средней возвышенности и неизвестной национальности...»

И так далее, день за днём.

Алексей узнал, что в войну на маяке жили три семьи: смотритель Филипп Агафонов с женой Анной и дочерью Диной четырёх лет, старший служащий Матвей Ряскин с женой Клавдией и двенадцатилетней дочерью Анной и младший служащий Яков Агафонов 60 лет с женой Маремьяной 54 лет от роду.

Ни дизельной станции для зарядки батарей, ни электричества, ни моторки, ни бензопилы, ни компьютера... Ничего у них не было. Была ответственность за исправную работу маяка. И постоянный страх от мысли, что какому-то лётчику из озорства придёт в голову развернуть самолёт и разбомбить или расстрелять из пушки и маяк, и всех их вместе с детьми. И на это ему потребуется всего-то не более пяти минут. Правда, о страхе Алексей только догадывался, о нём в вахтенном журнале записей не было.

За окном серела летняя ночь. Алексей сидел над вахтенным журналом. В свете настольной лампы виднелись неровные строчки, выписанные не очень грамотной рукой дежурного. Он думал: вот прошла жизнь этих безвестных людей. Много лет прошло, многие десятилетия, и никто до сих пор о ней не знает. Не то что забыли, а и не знали никогда. И увиделась

Алексею в этом большая несправедливость. «Вот бы написать об этом. Нужно, чтоб люди узнали и про Агафоновых, и про Ряскиных. Как жили они на острове, как работали, о чём думали и на что надеялись вдали от людей». Но кто же сделает это, если не он сам...

Алексей порылся на полках и вытащил вахтенные журналы за все военные годы. «Прочитаю и напишу. Уж как получится, но напишу. Я должен», — решил он.

Через две недели рукопись в десяток страниц была готова. Не зря мама, учитель русского языка и литературы, хвалила его школьные сочинения, а в техникуме сразу же поручили вести группу ВКонтакте всего курса. Алексей листал страницу за страницей и злился на себя, на собственную беспомощность. Корявые фразы, случайные слова... Все это видел он. Но вот только как поправить, чем заменить их, не знал и не мог. И ещё не знал, куда отправить рукопись? Кому она могла быть интересна? И тут вспомнил: в материковой конторе на полке у начальника стояли несколько номеров журнала в голубоватой обложке «Проблемы Арктики и Антарктиды». Он полистал их. Кроме мудрёных научных статей, встретил популярные заметки по истории изучения Арктических территорий, о приключениях различных экспедиций и судьбах полярников. Да и адрес редакции ему понравился: СПб, улица Беринга... «Пошлю к ним, — решил он. — Ведь работа служащих маяков в войну — тоже проблема Севера. Правда, теперь в истории».

Он включил компьютер и с полчаса смотрел на крутящийся кружок подключения к интернету. «Да, тут нужно Татьянино терпение, — подумал он. — Но раз она умела дожидаться, то и я дождусь». Монитор известил, что интернет подключился. Высветилось объявление, что в почте есть непрочитанные письма. Алексей не обратил на них внимания. Никакой почты ни от кого он не ждал. Сам зарегистрировался в mail, нашёл адрес журнала, набрал и отправил в редакцию статью.

Ответ пришёл дней через десять. «Редакцию заинтересовал ваш очерк, и мы его опубликуем. Вы использовали редкий архивный материал. Однако текст нуждается в серьёзной редакторской доработке. Если вы согласны, возьмём

очерк в работу». Алексей тут же написал, что согласен, поскольку автор он начинающий и будет рад любой помощи в новом для него деле. Редакция ответила, что ждёт от него новых интересных материалов. «Что же, буду изучать документы дальше», — решил он. Новое занятие нравилось ему всё больше и больше.

Теперь целые часы Алексей изучал содержимое шкафа. Он узнал о семье маячников Башмаковых. Иван Павлович руководил маяком в первые годы XX века, а сын его Павел Иванович стал знаменитым гидрографом. Его имя носят пролив в архипелаге Земля Франца-Иосифа и гидрографическое судно. Алексей узнал и о гибели служителей на его маяке в июле 1873 года, когда вся смена — четыре человека умерли на острове от цинги. А всего за первые тридцать лет работы маяков на Белом море цингой переболели 142 служителя, из которых 49 погибли.

В шкафу оказались не только вахтенные журналы, но и много других материалов — переписка с архивами, книги, журнальные очерки. Из конвертов, которыми были заложены статьи в журналах и сборниках, он узнал, что многое из собранного здесь материала добыто хлопотами начальника маяка на рубеже 60-70-х годов Николая Прокопьевича Попова. Его могилу Алексей видел на маленьком местном кладбище и теперь с благодарностью помнил имя этого незаурядного человека.

Многое узнал о прошлом Алексей. И теперь ему хотелось рассказать об этом всему свету. Он засел за рукопись и через полмесяца новый очерк был готов. Название придумал хоть и длинноватое, но с оттенком загадочности: «Полярную Звезду» никто не вышел встречать». «Полярная Звезда» — так называлась шхуна, экипаж которой и обнаружил на его острове погибших маячников. Алексей отправил очерк в журнал и скоро получил короткий ответ: «Будем печатать. Ждём новых материалов».

На острове всю царствовала поздняя осень. Лист облетел, и голые ветки царапали стены дома, предупреждая о близких холодах. Алексей сходил на ближнее болото и за два часа набрал ведро клюквы. Никелированный бачок на четыре ведра он ещё раньше наполнил солёными волнушками и груздями. Камбалу и сига, что обильно попадали в его сети, он так-

же почистил и присолил на зиму. Рыба хорошо пойдёт зимой с горячей картошечкой со своего огорода за складом. Море возле его берега на добрую сотню метров мелкое, и рыбалка не доставляла больших хлопот: сети ставил без лодки, в сапогах-броднях.

Подготовку к зиме следовало заканчивать. Не сегодня завтра полетит первый снежок. Почти сразу за ним задуют-завоюют штормы. Море закипит, как закипело тогда, когда уехала Татьяна. «Всё повторяется, — подумал он. — А вот штормы, или всё-таки шторма, как их принято называть у поморов. Всегда ли они падают на остров в одно и то же время? Существует ли определённый ритм — летний или осенний? Либо это дикая стихия, которая гуляет сама по себе? Ведь я могу узнать об этом по записям вахтенных журналов...»

Он выбрал журналы за десять лет и выписал из них даты и описания штормов, включая направление ветра и продолжительность. Получилась интересная кривая. Штормы падали на остров примерно в одно и то же время и были похожи по своим характеристикам: летние на летних, зимние на зимних. Получалось, что их можно предугадать заранее, с поправкой на сутки-трое. И это только первые, самые поверхностные выводы, которые можно сделать...

Открытие удивило самого Алексея. Он сел за стол и за три дня написал статью, в которой привёл свои данные и описал методику исследования и выводы, подчеркнув, что исследование по теме может быть продолжено специалистами-климатологами. «Шторм, которого мы ждём» — поставил такое название и отправил в редакцию.

Возясь с компьютером-«тугодумом», как Алексей прозвал его про себя, он решил открыть непрочитанные письма, объявление о которых постоянно лезли в глаза. Решил и скоро пожалел об этом. Письма из их городка адресовала Татьяне её ближайшая подруга. Татьяна торопилась с отъездом и то ли забыла удалить переписку, то ли не смогла дожидаться, пока включится интернет.

Писем много. Открывая их через пятое на десятое, Алексей нашёл ответы на все вопросы, которые мучили его ещё летом. Вопросов было немного. Но все очень важные для него. Оказа-

лось, что в согласии ехать с ним на остров лежало не чувство, а чистый коммерческий расчёт. Домик Татьяны арендовала на долгий срок южная семья, захотевшая пережить очередные политические нестроения на родине и готовая платить дорого. «А что, — писала Татьяна, — дома хорошие денежки будут капать, на острове зарплату девать некуда. Вернусь богачкой...» Алексей обнаружил, что его надежды на семейное будущее с самого начала ни на чём не были основаны. «Лёшку я в дом не приму, — писала Татьяна. — На что он мне сдался. Варить ему борщи и ждаты с очередной халтуры завалится пьяный и без денег? Да таких я найду с десяток за один вечер. Возьму молодого. Поживём, пока не найду подходящую кандидатуру, с которой можно спокойно встретить старость».

Известие, что он оказался прав, чувствуя в молодом технике соперника, Алексей воспринял как удар в спину. «Чувствую себя прекрасно, — писала Татьяна. — Ночью со мной липовый супруг, а днём, только мигну, молодой сосед, тридцати ещё нет, готовый в любую минуту, в любом месте, да так, что потом два дня присесть не могу». Подруга в ответном письме удивляется: как это можно — с двумя одновременно? «А что, я здоровая женщина, мне два мужика не тягость, а сплошное удовольствие...»

Алексей стёр переписку и долго сидел у погасшего монитора, оглушённый и униженный. За окном ослепительно белыми хлопьями, какие бывают только поздней осенью, летел снег. Жить не хотелось. Он накинул на плечи куртку, вышел на улицу и долго сидел на холодной скамье у двери, чувствуя, как на непокрытой голове тают и скатываются по щекам струйками воды холодные снежинки.

Зиму Алексей встретил загруженный до предела новой для него работой. Его завалили запросами. Учёные, аспиранты и студенты, журналисты и просто путешественники требовали что-то уточнить, сообщить, просили ссылок на архивы, справок и подробных сообщений о том и об этом. Алексей ничего и ни от кого не утаивал. Он целыми днями рылся в шкафу, искал, выписывал, печатал и рассылал ответы.

Он не сетовал на вал непривычной информационной работы. Мало того, в душе чувствовал

благодарность десяткам заинтересованных людей. Благодаря им он перерыл весь шкаф, изучил в нём каждую бумажку и теперь чувствовал себя в материале уверенно. Мало того, и в соседнем шкафу обнаружил полки, заставленные такими же пожелтевшими папками.

Алексей жадно разбирал бумаги, хорошо понимая их истинную ценность. Новые темы для очерков и статей копились на его столе. Теперь его занимала хроника ледостава. Статистика по годам приводила к неожиданным выводам и могла быть полезна в организации судоходства в центральной части Белого моря. Цикличность больших и малых приливов — новая тема, как он полагал, весьма полезная для организации хозяйственного освоения запасов водорослей прибрежных районов.

И ещё, и ещё, и ещё. Ни на один год работы...

Так миновала зима с её пронизывающими студёными ветрами. Глубокие тропинки, прорытые им в снегу днём к дизельной и сараю с дровами, к утру метель замела напрочь. И вот уже солнце поднялось выше. Небесный купол над головой утратил границы и теперь казался бездонным. На южной стороне послышалась робкая капель. Птички оживились, затренькали по утрам. Они перепархивали с ветки на ветку голого тополя за окном, заглядывали в дом и будто бы звали: «Ну что сидишь, весна идёт. Выходи...»

Однажды в почте среди служебных сообщений о том, что ему надлежит сделать по плану подготовки маячного хозяйства к летней навигации, Алексей обнаружил письмо на официальном бланке Главного управления маячной службы в Архангельске. Письмо адресовано ему лично. «Руководством принято решение об организации в структуре Управления информационно-аналитического отдела. Учитывая ваш богатый опыт практической работы на объекте, аналитические способности и опыт работы с документами, предлагаем вам занять должность начальника отдела. Информировать также, что продолжить образование вы сможете в Арктическом университете по квоте управления. Жильём будете обеспечены в соответствии с установленным порядком. При вашей согласии территориальному отделу будет дано указание готовить замену».

Алексей ответил согласием, заварил чай и долго сидел над парящей кружкой, обдумывая предстоящие перемены в жизни. Большой город, большой коллектив, новые обязанности... Всё это не пугало его. У него есть работа, которую он начал и будет продолжать во что бы то ни стало. Шкаф-памятник ему, конечно, не увезти, но вот документы из него он не оставит. Все они, до последнего листочка, будут сданы в архив на вечное хранение. В каждом из них отпечаталась жизнь многих поколений островитян, и это в его глазах не имело цены. Он принёс со склада обрывки старого выцветшего брезента, раскроил на квадраты и сшил несколько больших сумок с прочными ручками из верёвки. В каждую аккуратно сложил папки с документами.

Недели через три к острову подойдёт гидрографическое судно из Архангельска. Каждую весну и осень судно обходит все маяки и доставляет необходимое снабжение материалами и продуктами. Непременно придёт кто-то из начальства, уточнит заявки к осеннему рейсу, проверит, всё ли ладно в маячном хозяйстве. На этом судне Алексей уйдёт в Архангельск.

А пока на календаре заканчивается апрель. Длинные косяки гусей после тёплой зимовки возвращаются на Родину, на Север. Утром, днём и вечером Алексей слышит их радостные клики из поднебесья. На прибрежных болотах

гуси станут откармливаться, создавать семьи, устраивать гнёзда и растить птенцов. Поморье весной оживает, шумит, торопится. Лето здесь коротко, а сделать нужно так много.

Судно Управления на маяках положено встречать государственным флагом. Алексей расстелил на столе флаг, изорванный в ленты прошлым штормом, аккуратно сшил прорехи, постирал и погладил полотнище. Вечером, просматривая почту, увидел письмо Татьяны, первое за весь год. Татьяна писала, что каждый день вспоминает их жизнь на острове, какая она была счастливая, и очень грустит. Вечером ложится одна в холодную постель и плачет. И что местные мужики сплошная пьянь и бесчувственные козлы. Она продолжает его любить и снова готова ехать с ним куда угодно.

Алексей брезгливо отправил письмо в корзину.

И теперь по утрам, в полдень и вечером он берёт бинокль и осматривает горизонт. Море вскрылось ото льда и весело блещит на солнце так, что режет глаза. Он ждёт знакомое судно, чтобы поднять над маяком государственный флаг.

2022 г.

Константин Васильевич ГНЕТНЕВ (род. в 1947 году)

— публицист, писатель,

окончил факультет журналистики ЛГУ

и более 30 лет работал в периодических изданиях

Карелии сотрудником и главным редактором.

Лауреат международной литературной премии

Союза писателей России «Полярная звезда»,

победитель Всероссийского литературного конкурса

«Бородино» губернатора Московской области,

лауреат премии Республики Карелия

в области литературы (2008 и 2014 гг.),

премии журнала «Север» и специальной премии Союза

журналистов Карелии «За мастерство и достоинство»;

заслуженный работник культуры Российской Федерации.

